IX 1974

4 9 6

ТУ 19-32-73

1

4

ДИАФИЛЬМ

07—2—480

ПУШКИН. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льёт печальный свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

. . . .

Ни огня, ни чёрной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только вёрсты полосаты
Попадаются одне...

Русская, радищевская тема дороги, с ямщицкими песнями, бескрайностью и тоской, слышна в этих стихах вернувшегося из ссылки Пушкина.

Конец 1826—1830 гг.
«На поверхности официальной России, «фасадной империи», видны были только потери, жестокая реакция, бесчеловечное преследование...» *(Герцен)*.

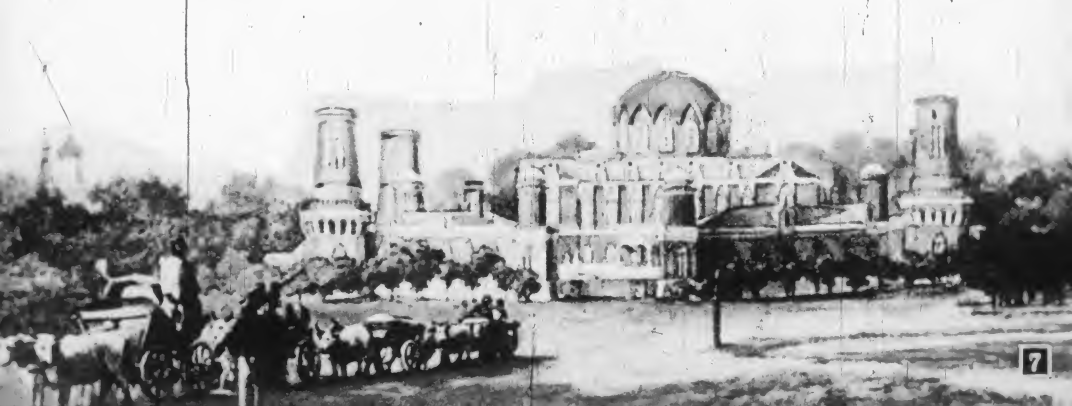
Порывисто и тревожно существование поэта. Москва—Петербург—Михайловское—Петербург—Малинники—Москва... Арзрум и снова Петербург. «Вы всё время на больших дорогах»,—язвит Бенкендорф.
Годы странствий...

Но сначала—Москва.

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось!

Москва восторженно встретила поэта. Большой театр. «Когда Пушкин, только что возвратившийся из изгнания, вошёл в партер... пронёсся... говор, повторявший его имя... Он стоял тогда на высшей степени своей популярности».

По заказу Соболевского — друга Пушкина — Тропинин пишет его портрет — самый «домашний» и мягкий по манере среди пушкинских портретов.

В его честь устраивают званые вечера. Для него импрови-
зирует Мицкевич.

У Веневитинова и Вяземского Пушкин читает «Бориса Годунова». «Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно... поднялся шум, раздался смех, полились слёзы... Сцена летописателя с Григорием просто всех ошеломила».

Так откуда же это признание другу: *„Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление“?* С болью узнал он подробности суда и следствия над декабристами.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
13

А Москва, ещё хранившая для Пушкина память 1812 года, спешила короновать нового царя. О виселицах было забыто.— «Никогда виселицы не имели такого торжества... Одни женщины не участвовали в этом позорном отречении от близких...».

„При малейшей возможности тотчас вырвался бы я из России надолго... Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена: мне в ней душно, нестерпимо“, — писал **Вяземский.**

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов...

По приказу царя Пушкин составил записку «О народном воспитании». «Его величество изволил заметить, что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат... основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти...»

(Бенкендорф).

А он упрямо верил в просвещение. И, обращаясь к царю в «Стансах», воспитывал Николая I примером Петра.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал её предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь пращуру подобен:
Как он неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

Однако царь оставался глух к призывам поэта. «Борис Годунов» не разрешён к напечатанию. Песни о Стеньке Разине не пропущены. Пушкина привлекают по делу об отрывке из «Андрея Шенье», распространившемся под названием «На 14 декабря».

„Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и... никак без явной бессмыслицы не могут относиться к 14 декабрю“ (А. Пушкин).

Уезжая из Москвы тревожной весной 1827 года, Пушкин обращает к своей приятельнице Екатерине Ушаковой полные внутреннего смятения строки:

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен,—
Вы ж вздохнёте ль обо мне,
Если буду я повешен?

Память снова и снова возвращала в прошлое.

«Нас было много на челне...»

А осенью, незадолго до лицейской годовщины, 1827 года, так поразившая поэта дорожная встреча с арестантом, в котором с трудом узнал он Кюхельбекера.— *„Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили“.*

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!
Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

Петербург повеял на Пушкина чопорностью и холодом. На раутах веселилась до упаду новая знать. „...*Пошлость и глупость обеих наших столиц*,—пишет он в Тригорское Осиповой,—*равны, хотя и различны*...

...если бы мне дали выбирать между обеими, я выбрал бы Тригорское...“.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелёно-бледный,
Скука, холод и гранит.
30

Последекабрьские годы—вдохновенный расцвет пушкинской лирики с её покоряющей правдой чувства.

Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Вслушайтесь в упругие ритмы стихов, напоминающие шелест прибоя.

Или вот это—бесстрашное, как исповедь, «Воспоминание».

Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

«Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания...— такова смелость Шекспира, Dante...», Пушкина.

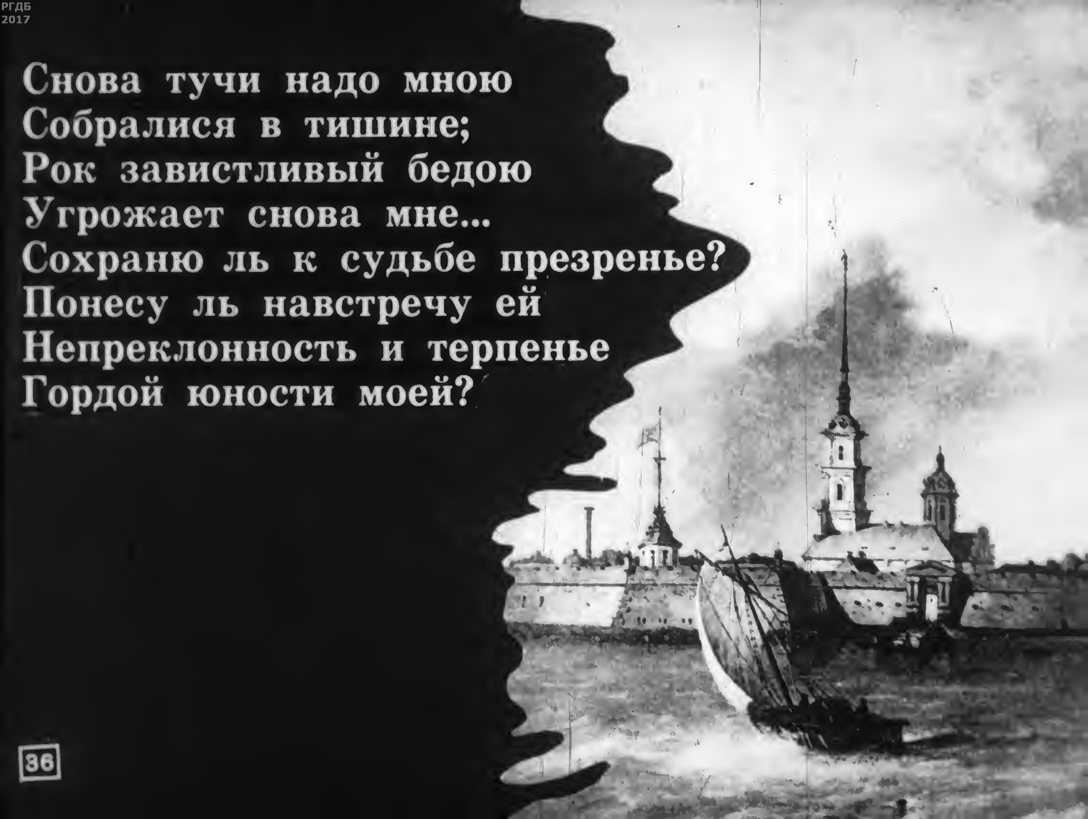
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.

Кисть Кипренского запечатлела сосредоточенный и вдохновенный облик Пушкина-поэта.

1828 год проходит под знаком «неудач». Едва закончились допросы о «Шенье», на Пушкина затевается ещё одно политическое дело. „*Ты зовёшь меня в Пензу,*— пишет он Вяземскому,—*а того и гляди, что я поеду далее,*

Прямо, прямо на восток».

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

В поисках выхода из мучительного душевного кризиса Пушкин обращается к русской истории. Полтава. Пётр. И—заслоняющая драматизм частных судеб—героическая патетика Полтавской битвы.

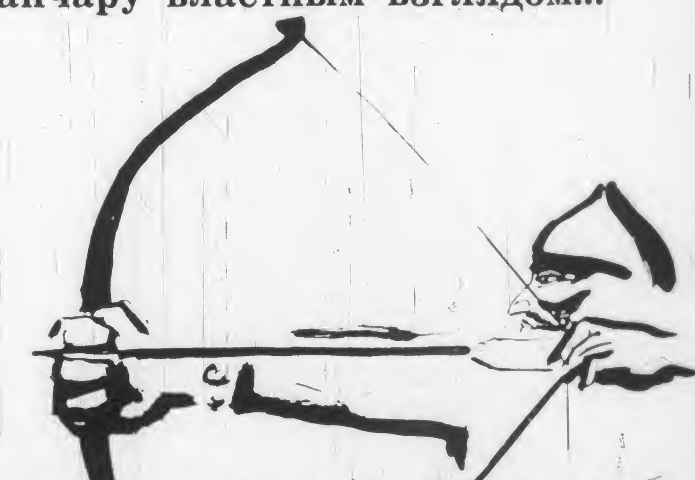
Поэма—апофеоз «могучего и грозного преобразователя России».

В гражданстве северной державы,
В её воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.

А на полях листа, молчаливо оспаривая эту славу,— уже в который раз— казнённые декабристы.

Время рассеивало просветительские иллюзии Пушкина. Появляется набросок, а потом и стихотворение «Анчар».

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом...

Протестом против тирании владык ответил Пушкин режиму, его притеснявшему.

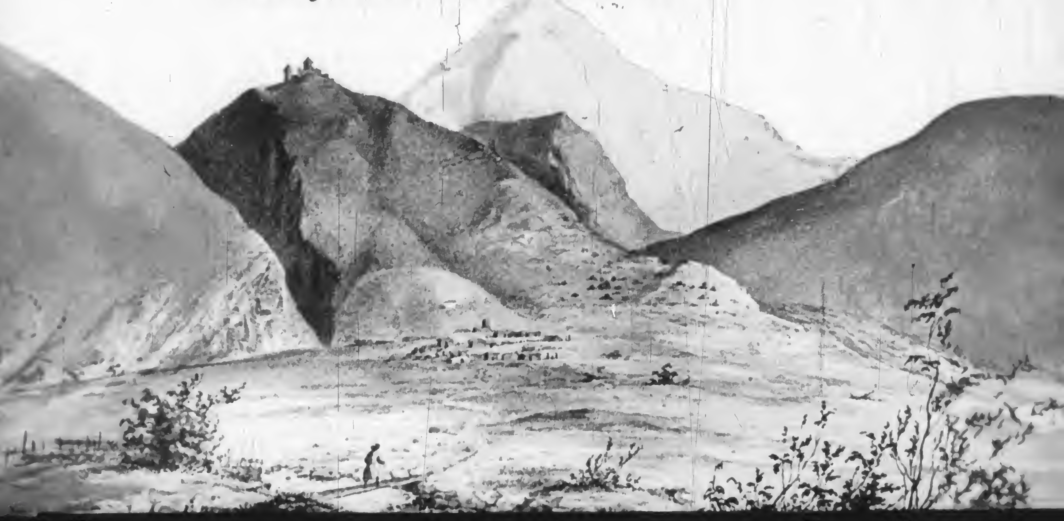
В разгар кочующей жизни поэта написаны «Дорожные жалобы».

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Ирония, смешанная с грустью. Весной 1829 года Пушкин отправляется на Кавказ, в действующую армию.

Я ехал в дальние края;
Не шумных ... жаждал я,
Искал не злата, не честей,
В пыли средь копий и мечей.

Желал я душу освежить,
Бывалой жизнию пожить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей.

В Кавказской армии служили брат Пушкина Лев, Николай Раевский, многие декабристы.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою.
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит—оттого,
Что не любить оно не может.

Памятью об участии поэта в одной из схваток с турками остался этот рисунок в альбоме Ушаковых и стихотворение «Делибаш».

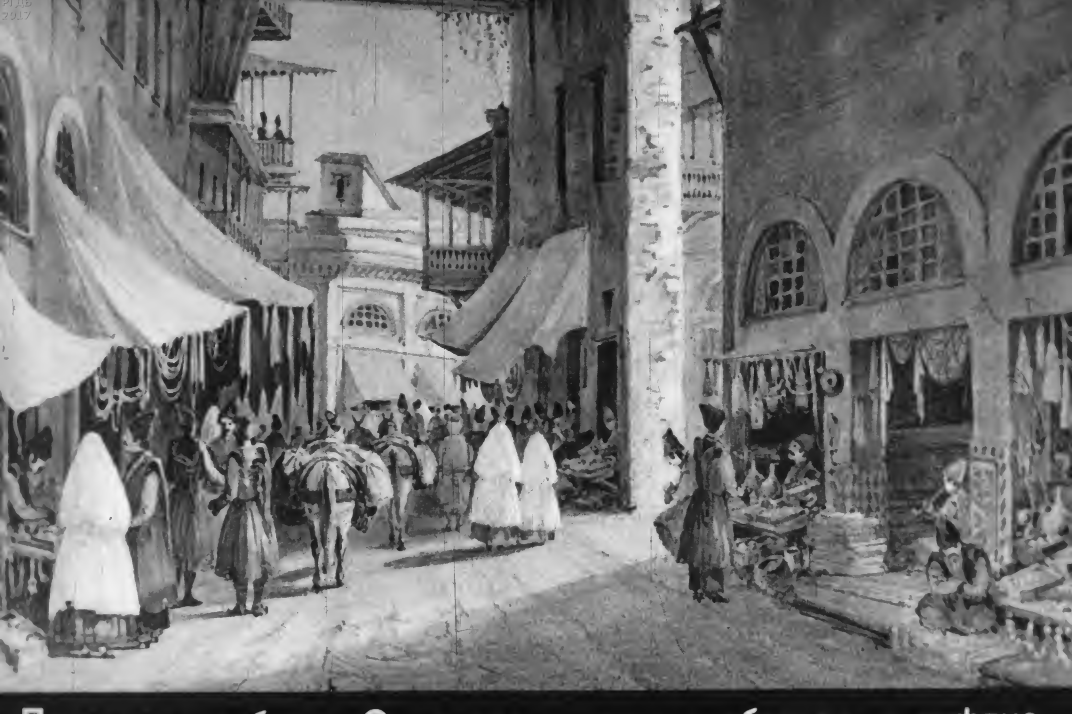

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

Слог Пушкина «летит быстрее самой битвы», заметил Гоголь.

Правительственная, насквозь продажная «Северная пчела» писала: „Мы думали, что автор „Руслана и Людмилы“ устремился на Кавказ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзии и в сладких песнях передать потомству великие подвиги современных героев,—и мы ошиблись“.

Подвигов не было. Он писал о горных обвалах, о тифлисских банях, о песнях Грузии,

о встрече с телом убитого Грибоедова...—„...*Неужели непременно был обязан писать именно то, что прикажут журналисты?—Что за несчастные люди русские писатели?*"

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,
издаваемый
Михаиломъ Каченовскимъ.
Стоять — и правду говорить. Державинъ.
ЯНВАРЬ и ФЕВРАЛЬ.
1830.
СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА.
№ 35.
Суббота, Марта 22го 1830.
ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ
Санктпетербургъ, 21-го Марта.
Журнальная брань, выходки Булгарина, глухое непонимание критики „...таково было мне первое приветствие в любезном отечестве“.
40

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдёт минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один...

Этим трагическим всплеском боли и одиночества заканчивались годы странствий...

КОНЕЦ

Диафильм по литературе для 8 класса
сделан по заказу
Министерства просвещения РСФСР

Автор
М. ФАЙНБЕРГ
Художник-оформитель
Е. ЛЕХТ
Редактор
Л. КНИЖНИКОВА

Студия „Диафильм“, 1972 г.
Москва, 101000, Старосадский пер., д. № 7

Д-318-72

Чёрно-белый 0-20

